

О. С. СУХИХ

*(Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия)*

УДК 821.161.1-31(Иванов А.)
ББК ШЗЗ(Рос=Рус)64-8,44

ПУШКИНСКИЙ ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «НЕНАСТЬЕ»

Аннотация. Рассматривается роман А. Иванова «Ненастье» с точки зрения художественного переосмысления пушкинских образов и мотивов. Используется сравнительно-типологический метод исследования. Целью исследования становится выявление художественных переключек романа А. Иванова с произведениями А. С. Пушкина: повестью «Пиковая дама», романом «Евгений Онегин», стихотворением «Ненастный день потух, ненастной ночи мгла...». Делаются выводы о том, что филологический вертикальный контекст в романе А. Иванова отражает творческий диалог современного писателя с русской классикой, в частности, с наследием А. С. Пушкина. Обращение к литературной ономастике даёт возможность заключить, что имена Герман и Татьяна приобретают в романе А. Иванова знаковый смысл, который проясняется через ассоциации с «Пиковой дамой» и «Евгением Онегиным». Пейзаж в финале романа по характеру символики напоминает пушкинское стихотворение «Ненастный день потух, ненастной ночи мгла...». В обоих произведениях перед читателем разворачивается картина, в которой сочетаются тьма и свет, при этом образ света несёт в себе противоречивый смысл. Картины, воплощающие в себе гармоничное, прекрасное, живое, в обоих случаях включают в себя образы света, тепла и моря.

Ключевые слова: вертикальный контекст; А. С. Пушкин; А. Иванов; творческий диалог; художественные переключки.

Понятие вертикального контекста, введённое И. В. Гюббенет и О. С. Ахмановой [Ахманова, Гюббенет 1977] и соотносящееся с понятием интертекстуальности, введённым Ю. Кристевой [Кристева 2004], отражает диалог произведений различных эпох. И этот диалог имеет величайшее значение для восприятия и осмысления глубины художественного образа. Взаимодействие художественных систем открывает широкие возможности для соотнесения смыслов, влекущего за собой раскрытие новых нюансов того или иного образа, сюжета, мотива.

В романе А. Иванова «Ненастье» можно увидеть «пересечения» с известнейшими произведениями прошлых эпох. Отечественное литературоведение активно занимается разработкой филологического вертикального контекста этого романа. Например, в статье Е. Погорелой

ведётся сопоставление некоторых образов и мотивов «Ненастья» и «Доктора Живаго» Пастернака [Погорелая 2017], в работе Я. Солдаткиной рассматриваются мотивы, которые роднят произведение А. Иванова с творчеством А. Платонова [Солдаткина 2016]. Можно отметить в этом романе отсылки и к «Слову о полку Игореве»: строки этого произведения цитируются в тексте и соотносятся с образами героев, имя героини – Татьяна Ярославна – тоже вызывает ассоциацию со «Словом».

Существуют в романе А. Иванова параллели, художественные переключки и с творчеством А. С. Пушкина, и они накладывают серьёзный отпечаток на восприятие текста «Ненастья». В этом большую роль играет **литературная ономастика**. Главного героя зовут **Герман**, что порождает ассоциацию с повестью А. С. Пушкина «Пиковая дама», тем более если учесть, что прозвище его – Немец, а пушкинский персонаж Германн «был сын обрусевшего немца» [Пушкин. Пиковая дама 1960: 242]. Это не просто переключка имён, за ней стоит концептуально важный для обоих произведений мотив игры с самой судьбой, попытки человека преодолеть её давящую силу. Причём оба героя рассчитывают сделать это с помощью денег и для достижения своей цели преступают моральную границу. В конечном итоге пушкинский персонаж, действовавший из эгоистических соображений, терпит сокрушительное поражение. Однако герой романа «Ненастья» «играет с судьбой» не ради себя, а ради спасения другого человека. Мотив его преступления – стремление изменить судьбу своей любимой женщины – Танюши, избавить её от «ненастья». Если Германн у Пушкина «воздвигает между собой и другими людьми некое подобие стены...» [Мартьянова 2014: 55], то Герман у А. Иванова живёт дружбой, преданностью, любовью, стремлением помочь, защитить, спасти. И он, хотя фактически не достигает поставленной цели (увести Танюшу в Индию), всё же одерживает победу с нравственно-психологической точки зрения: ему удаётся сохранить свою человеческую сущность и пробудить к новой жизни, «вывести из Ненастья» любимую женщину. Мотивация поступка героя доказывает, что «маленький человек» способен стать «экзистенциально большим» [Бушуева. Игра на деньги с законом]. И если «Пиковая дама», по словам Г. Гуковского, представляет собой повесть о власти денег над личностью [Гуковский 1957], то «Ненастья» – по аналогии и по контрасту одновременно – можно назвать романом о власти любви над душой человека. Правда, стоит отметить, что и в образе пушкинского Германна есть некая романтизированная страсть: «Если предмет вожделений героя действительно прозаичен, то безумная страсть, с которой он

отдаётся борьбе за достижение своей цели, – поэтична» [Raskolnikoff. Иррациональное в *Пиковой даме*].

Главная героиня романа А. Иванова – **Таня**. Чаще всего в тексте её имя используется либо в уменьшительно-ласкательном варианте, либо в уменьшительно-пренебрежительном, что зависит от того, через чьё восприятие и в каких ситуациях она показана: «Германа ударило в спину, он упал, но тотчас вскочил и побежал дальше, к Танюше...»; «И вдруг откуда-то из ниоткуда на Басунова, визжа и рыдая, упала Танька Куделина, упала как зверюга, как нетопырь, повисла на его локте, вцепилась в пистолет...» [Иванов. Ненастье]. В случаях, где требуется слово с нейтральной эмоциональной окраской, используется вариант «Таня». Лишь несколько раз на протяжении романа её называют Татьяной. Несмотря на то, что автор как будто избегает употребления полной формы имени, всё же возникает отчётливая ассоциация с героиней Пушкина.

Взаимоотношения Татьяны Лариной с семьёй – хрестоматийный пример **духовной «неродственности»**. С точки зрения современного исследователя, даже тот факт, что стремившаяся к светскости старшая Ларина дала дочери «простонародное» имя, возможно, подчёркивает отчуждённость: «Не исключено, что имя дано нежеланному ребёнку, рождённому от нелюбимого человека, дано не то чтобы назло, но с очевидным безразличием» [Романова 2014: 155]; может быть, это связано и со стремлением подчеркнуть вынужденный переход от светской жизни к провинциальной, деревенской, с которой героиня далеко не сразу смирилась. «Она в семье своей родной казалась девочкой чужой» [Пушкин. Евгений Онегин 1960: 47] – эти слова вполне отражают и обстоятельства жизни Танюши Куделиной. Перед нами обычная семья: отец, мать, сестра – все они вполне заурядные обыватели, они из тех, кто может вести разговор лишь «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне» [Пушкин. Евгений Онегин 1960: 41]. И взаимоотношения в семье Лариных, где жена умела «супругом самодержавно управлять» [Пушкин. Евгений Онегин 1960: 50], проецируются на характер отношений старших Куделиных, только в огрублённом и даже несколько опошленном варианте: «Галина по какому-то непробиваемому бабьему убеждению считала себя умнее и оборотистее мужа... И муж с его тренировками и тренажёрами теперь казался ей неприспособленным дурнем» [Иванов. Ненастье]. Мать и сестру Танюши писатель называет «оборзевшими бабами» [Иванов. Ненастье], и, действительно, они производят впечатление полной бездуховности. Понятие счастья для них вполне исчерпывается материальным благополучием, жизнью «не хуже, чем у людей». Но ведь, в принципе, то же мироощущение и у

Лариных. Просто в их времена и для их среды верх благополучия – выгодная партия и принадлежность к светской элите, а для жителей города Батуева в постперестроечные времена это «бизнес» и «тачка».

Как помнит любой читатель, Татьяна Ларина росла как будто наедине с самой собой, родители не проявляли к ней особого внимания, просто не препятствовали читать или любоваться природой: «Все занятия, любимые Татьяной, обнаруживают отсутствие родительского попечения, они возникают в жизни ребёнка, предоставленного самому себе...» [Романова 2015: 68]. Для пушкинских супругов Лариных ближе Татьяны всегда была Ольга, которая больше соответствовала их представлениям о том, как должен жить и развиваться ребёнок, – так и в семье Куделиных «светом в окошке» была Танюшина сестра Ирина, воспринимавшаяся как «удачный» ребёнок, надежда родителей. Однако, как ни парадоксально, и в том, и в другом случае именно та девушка, которая, так сказать, не подавала надежд, обретает волей судьбы «место под солнцем», высокое по обывательским представлениям. Татьяна Ларина становится супругой генерала, княгиней, хозяйкой светского салона – это, с точки зрения матери, судьба, о которой можно только мечтать. Танюшу Куделину «взял себе» Сергей Лихолетов, занимавший в городе Батуеве положение «авторитета» и обладавший деньгами, властью, возможностями, которые, пожалуй, и не снились генералам пушкинских времён. И о той, и о другой героине современники, обычные приземлённые люди, вроде их родителей, могли бы сказать, что им повезло, что они благополучно устроились в жизни. Но сами эти героини смотрят на всё иначе и судьбу свою воспринимают вовсе не как «счастливый билет», а как непреодолимую силу, с которой человек может только смириться. «Ненастье» – выразительная метафора, которой можно обозначить душевное состояние обеих героинь, заложниц обстоятельств. Обе женщины обречены жить не так, как хотелось бы, а так, «как сложилось», хотя в конечном итоге героиня А. Иванова с помощью Германа обретает новый стимул к жизни и **«выход из ненастья»**. Как будто пробудившись от тяжёлого сна, она вдруг проявляет силу и решительность, когда защищает свою любовь, бросается спасать Германа. Танюша сама в финале романа признаёт, что раньше жила лишь собственными переживаниями и интересами, своей душевной драмой и не думала о Германе, а в финальной сцене она преодолевает себя ради близкого человека. Пушкинская Татьяна тоже в начале романа руководствуется лишь собственными эмоциями, а в финале делает усилие над собой и принимает тяжёлое для себя решение ради мужа. Однако героиню А. Иванова **пробуждает любовь**, именно она становится той движущей силой, которая «выводит из не-

настья» Танюшу, тогда как Татьяна Ларина как раз **отказывается от любви** во имя долга. Возможно, здесь сказывается разница мировосприятий не просто двух авторов, но и людей двух **разных эпох**: в пушкинские времена следование долгу приближало человека к нравственному идеалу и осознавалось как смысл жизни – в конце XX–начале XXI века торжествует концепция самоценности личности, приоритета личных интересов над любыми другими, поэтому именно любовь как реализация душевного потенциала личности осознаётся в качестве того пути, который выводит из «ненастья» к свету.

В романе «Ненастье» важное место занимают пейзажи, выразительные и психологически насыщенные. И среди них особенно выделяется **картина пожара и рассвета** в финале произведения: «За синими крышами дач, за кронами неурожайных яблонь чёрный небосвод с краю багрово потеплел. Но это был отсвет пожара, а не рассвета. Рассвет разгорался невообразимо далеко от деревни Ненастье – над хребтами Гиндукуша, над побережьем Малабара. Ненастье пока ещё лежало в темноте этой долгой субботы. Хотя на Земле, пусть и очень далеко, всё равно уже началось воскресенье» [Иванов. Ненастье]. Перед читателем разворачивается символическая картина, в которой деревня Ненастье, пока ещё охваченная темнотой, пока ещё не дотянувшая до воскресенья, оказывается образным воплощением душевного состояния Германа и Танюши. Герои оказались в «экзистенциальной ловушке», как назвал это автор [Иванов. России неинтересно знать, как она устроена] – отсюда образ тёмной, долгой субботы, заканчивающейся пожаром. Но, с другой стороны, оба сделали шаг к преодолению своего «ненастья»: Герман пошёл на риск ради Танюши, а она, как будто перешагнув какой-то порог, обрела смелость и решительность, стремясь защитить его, помочь ему, – отсюда образ наступающего воскресенья, как бы отблеск далёкого ещё пока рассвета. Пейзаж в финале романа представляет собой воплощённую диалектику горя и радости, ненастья и просветления, небытия и воскресения, тьмы и света. И эта символическая картина порождает ассоциацию с ещё одним пушкинским текстом:

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рошею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;

Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...

[Пушкин 1959: 45]

В обоих произведениях перед нами **противостояние темноты и света**. «Темнота ... долгой субботы» и «потухший» ненастный день проецируются на душевное состояние персонажей А. Иванова и лирического героя А. С. Пушкина. Ненастная мгла, которая «по небу стелется одеждою свинцовой», является воплощением такой же давящей безысходности, которая мучает и героев романа А. Иванова. В обоих произведениях перед нами соседство и сложное взаимодействие мотивов тьмы и света, тяжёлого давления и лёгкости, угнетённости и надежды. При этом в обоих случаях **образ света неоднозначен**: свет проникает сквозь «свинцовое» ненастье, но он оказывается обманчивым, не несёт в себе полноценного преодоления тьмы. В романе он является отблеском пожара, а не рассвета – в стихотворении же свет луны туманный, призрачный, наводящий тоску. С другой стороны, в обоих произведениях возникает и **образ подлинного света**, который ассоциируется с освобождением, радостью, мечтой. И в обоих случаях он представляет собой что-то отдалённое, пока ещё недоступное, но уже вдохновляющее. В пушкинском произведении этот образ не конкретизирован, просто это некий идеальный топос, где взаимно дополняют друг друга тепло и свет, луна сияет в голубых небесах над прекрасным в своём величии морем. В романе А. Иванова речь идёт о конкретном месте – об Индии, которая представляется главному герою земным раем, атрибутами его являются тепло, свет и радостное состояние духа. Мечтая подарить радость и спокойствие Танюше, Герман ассоциировал всё это с картиной Индии, Малабара, морского побережья: «... перед отелем – широкая светлая полоса огромного пляжа. В каком-то безостановочном тригонометрическом усилии Индийский океан гнал по краю синевы пенную синусоиду прибоя» [Иванов. Ненастье]. Как видим, картины, воплощающие в себе гармоничное, прекрасное, живое, в обоих произведениях включают в себя **образы света, тепла и моря**.

Пушкинский вертикальный контекст в романе А. Иванова говорит о том, что произведение внутренне диалогично по отношению к русской классике и к творчеству Пушкина в частности. Это тем более закономерно, что Пушкин, с его творческой манерой, является одним из художественных ориентиров для автора, по его собственным словам: «Писать просто очень трудно. Пушкин писал просто. Мне бы хотелось пушкинской простоты и ясности, это мой идеал» [О созида-

тельной сути ОПС «Уралмаш», пассионариях Урала и новой эпохе: «Правда жизни» с писателем Алексеем Ивановым].

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.

Бушуева М. Игра на деньги с законом. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-12-01/6_867_game.html (дата обращения: 24.04.2017).

Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М. : ГИХЛ., 1957. 416 с.

Иванов А. Ненастье. М. : АСТ, 2015. 640 с. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=248027> (дата обращения: 21.04.2017).

Иванов А. России неинтересно знать, как она устроена // Московский книжный журнал. URL: <http://morebo.ru/tema/out/item/1430517308633> (дата обращения: 21.07.2017).

Кристева Ю. Избранные труды : Разрушение поэтики. М. : РОССПЭН, 2004. 656 с.

Мартьянова С. А. Образ Германна в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» : национальное и общечеловеческое // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 53–57.

О созидательной сути ОПС «Уралмаш», пассионариях Урала и новой эпохе : «Правда жизни» с писателем Алексеем Ивановым. Ведущий – Д. Колезев // Интернет-газета Знак. 20.05.2015. URL: https://www.znak.com/2015-05-20/pravda_zhizni_s_pisatelem_alekseem_ivanovum (дата обращения: 06.08.2017).

Погорелая Е. Гражданин убегающий // Вопросы литературы. 2017. Март-апрель (№ 2). С. 96–105.

Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 5–200.

Пушкин А. С. Ненастный день потух; ненастной ночи мгла... // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1959. Т. 2. С. 45.

Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1960. Т. 5. С. 233–262.

Романова А. Н. Конструктивные противоречия в образе Татьяны Лариной // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014. № 6. С. 153–156.

Романова А. Н. О художественном единстве образа Татьяны Лариной // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 1. С. 67–71.

Солдаткина Я. Творческое наследие А. П. Платонова и семантико-эстетические поиски в современной русской прозе (А. Н. Варламов «Мысленный волк», А. В. Иванов «Ненастье») // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 1. С. 45–54.

Raskolnikoff F. Иррациональное в *Пиковой даме*. URL: http://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1987_num_59_1_5629 (дата обращения: 06.05.2017).

REFERENCES

Akhmanova O. S., Gyubbenet I. V. «Vertikal'nyy kontekst» kak filologicheskaya problema // *Voprosy yazykoznavaniya*. 1977. № 3. S. 47–54.

Bushueva M. Igra na den'gi s zakonom. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-12-01/6_867_game.html (дата обращения: 24.04.2017).

Gukovskiy G. A. Pushkin i problemy realisticeskogo stilya. М. : GIKhL., 1957. 416 s.

Ivanov A. Nenast'e. М. : AST, 2015. 640 s. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=248027> (дата обращения: 21.04.2017).

Ivanov A. Rossii neinteresno znat', kak ona ustroena // *Moskovskiy knizhnyy zhurnal*. URL: <http://morebo.ru/tema/out/item/1430517308633> (дата обращения: 21.07.2017).

Kristeva Yu. Izbrannyye trudy : Razrushenie poetiki. М. : ROSSPEN, 2004. 656 s.

Mart'yanova S. A. Obraz Germanna v povesti A. S. Pushkina «Pikovaya dama» : natsional'noe i obshchechelovecheskoe // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2014. № 2 (2). S. 53–57.

О соиздател'ной сути OPS «Uralmash», passionariyakh Urala i novoy epokhe : «Pravda zhizni» s pisatelem Alekseem Ivanovym. Ve-dushchiy – D. Kolezev // *Internet-gazeta Znak*. 20.05.2015. URL: https://www.znak.com/2015-05-20/pravda_zhizni_s_pisatelem_alekseem_ivanovym (дата обращения: 06.08.2017).

Pogorelaya E. Grazhdanin ubegayushchiy // *Voprosy literatury*. 2017. Mart-aprel' (№ 2). S. 96–105.

Pushkin A. S. Evgeniy Onegin // *Pushkin A. S. . Sobr. soch. : v 10 t.* М. : GIKhL, 1960. Т. 4. S. 5–200.

Pushkin A. S. Nenastnyy den' potukh; nenastnoy nochi mгла... // *Pushkin A. S. Sobr. soch. : v 10 t.* М. : GIKhL, 1959. Т. 2. S. 45.

Pushkin A. S. Pikovaya dama // *Pushkin A. S. Sobr. soch. : v 10 t.* М. : GIKhL, 1960. Т. 5. S. 233–262.

Romanova A. N. Konstruktivnye protivorechiya v obraze Tat'yany Larinoy // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2014. № 6. S. 153–156.

Romanova A. N. O khudozhestvennom edinstve obraza Tat'yany Larinoy // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2015. № 1. S. 67–71.

Soldatkina Ya. Tvorcheskoe nasledie A. P. Platonova i semanti-ko-esteticheskie poiski v sovremennoy russkoy proze (A. N. Varlamov «Myslennyy volk», A. V. Ivanov «Nenast'e») // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2016. № 1. S. 45–54.

Raskolnikoff F. Irratsional'noe v Pikovoy dame. URL: http://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1987_num_59_1_5629 (data obrashcheniya: 06.05.2017).